

# ФУТБОЛ В ДЖУНГЛЯХ

## Рассказ

Гида по Амазонке звали Луисвальдо, не самое сложное из попавшихся нам в Бразилии имен, но в голове все время вертелось и чуть не срывалось с губ: Леонкавалло. Было в этом смуглом, упитанном молодом человеке что-то от оперного певца. Казалось, его звонкий, раскатистый голос и преувеличенные жесты предназначены для галерки: их охват явно превышал размах одной моторной лодки на восемь человек. Луисвальдо передал управление лодкой своему помощнику Родриго, мальчику лет тринадцати, сидевшему сзади на руле, а сам глушил пиво и на приличном английском скармливал нам байки о жизни в джунглях и о своей сложной судьбе. Одновременно с не меньшим энтузиазмом он разглагольствовал о проходившем в эти дни по всей Бразилии чемпионате мира по футболу. Мне вспоминался Карельский перешеек, где я выросла, мой тамошний приятель Тимка — и трагический клоун из «Паяцев». Очень хотелось позубоскалить. Я повернулась к Улли, чтобы поделиться с ним впечатлением, но он был погружен в свои мысли. Оперу он так же мало ценил, как и футбол. Не было шансов, что он меня поймет.

— У меня была возможность попасть на первый матч в Манаусе, — хвастался Луисвальдо. — Мой кузен вкалывал бетонщиком на строительстве стадиона, и ему удалось достать пару билетов. Но я не мог оставить работу. Я тут сейчас вроде как за главного. Босс поехал на чемпионат. Он страшный фанат. Вы заметили гирлянды из флажков в нашей столовой? А большой телевизор? Это все он постарался, специально к чемпионату. А сам купил билеты на все четыре матча в Манаусе и устроил себе отпуск. Впервые с тех пор, как открыл этот бизнес двадцать шесть лет назад! Его мама живет в другом городе, к востоку по реке, он ее уже столько лет не видел! Да ладно, я не жалею, что пропустил матч. Его даже по телевизору не имело смысла смотреть. Камерунцы без своего капитана бегали по полю, как потерянные дети. А в Манаус мне не стоит сейчас соваться. Бывшая подруга подстерегает, требует денег на воспитание дочери. Ей кажется, что я сделан из денег... Видите ту корову, да вот же, спустилась попить? — вдруг перебил себя Луисвальдо. — Смотрите, а вон там, левее, из воды торчат два глаза. Это кайман ее подстерегает.

Улли повернулся поглядеть, куда указал Луисвальдо, и тяжело вздохнул. Я будто читала мысли своего спутника: по берегам широко раскинувшегося притока Амазонки паслись стада мускулистых коров — одна из трагедий местной экологии.

---

Ольга Гронец — русско-американская писательница, родилась и окончила школу в Санкт-Петербурге, магистерскую степень по компаративистике защитила в Сан-Франциско. Публикуется в американских и английских журналах, лауреат премий короткого рассказа (Лондон-2016, Сан-Франциско-2017). Первые рассказы на русском опубликованы в журнале «Нева», 2006, № 1. Автор трех сборников рассказов, последняя книга «Хлоп-страна» вышла на русском в издательстве «Время», М., 2016. Работала заместителем главного редактора журнала «Narrative», Сан-Франциско. С 2015 года является одним из модераторов «San Francisco Writers Workshop».

Общемировая любовь к говядине толкала здешнее население разводить стада и вырубать лес под пастбища. Но Улли не удалось долго предаваться скорби: кайман выскочил из воды и попытался схватить неосторожную корову за ногу. Улли аж подпрыгнул на месте. Я засмеялась, а корова невозмутимо махнула хвостом и отбежала на несколько шагов.

— Зря старается, коровы быстрее кайманов и сильнее. Напрасно только пасть ржавеет, — объяснил Луисвальдо.

— Что тут смешного? — обиженно спросил меня Улли.

— Ты испугался за корову, а она разрушает всю экосистему, как ты говоришь.

— Не вижу тут повода для смеха.

Это было наше третье утро на Амазонке — памятная дата: 22 июня. Улли родился в Восточном Берлине, я — в Ленинграде. Мы познакомились в Калифорнии два года назад, в апреле съехались, сняли дом в городке под названием Маунтин-Вью, примерно посередине между офисами наших компаний. Но несмотря на положительную динамику наших отношений, несмотря на то, что Улли довольно открыто говорил о прошлом своей семьи, мы не раз обсуждали, что наши деды воевали во вражеских армиях, и это как будто добавляло интриги в наши отношения — мне все еще не хватало решимости спросить, что значила для него эта дата. Допускаю, что не значила ничего особенного: задолго до нападения на СССР Германия захватила Польшу, и тогда войну с Германией объявили Франция и Великобритания.

Выспаться никак не получалось. Всю ночь зудели комары, а под утро в лесу принимались кричать друг на друга птицы и обезьяны. Погода стояла пасмурная. С утра дождя еще не было, но нависшие над рекой тучи давали понять, что это всего лишь временный перерыв. Весь предыдущий день из-за ливня мы оказались запертыми на базе; уж на что Луисвальдо и другие гиды пытались развлечь нас, вытаскивали откуда-то жутких пауков, приносили какие-то диковинки местной флоры и фауны, все равно мы большую часть дня провели перед телевизором, где шли подряд три матча чемпионата мира. У экрана собирались все гиды и туристы из Австралии, Дании, Италии, Норвегии, Канады, Чили, Южной Бразилии и дружным хором встречали каждый гол. Так сложилось, что ни одна из наших национальных команд в тот день не играла, и все горели общим энтузиазмом.

Все, кроме Улли. Когда начался матч Германии с Ганой и все заулыбались, кивая ему как единственному немцу в группе, он скрылся в нашем домике.

— Неужели он так волнуется? У Германии сильная команда, все считают, что они составят хорошую конкуренцию Бразилии, — прокомментировал Луисвальдо побег Улли. Открыл очередную банку пива, оглядел всех собравшихся под навесом и радостно выдохнул. — Хорошо, что среди вас нет англичан! На прошлой неделе у нас тут вся база была ими забита, как кастрюля с вареной рыбой. Сюда приезжают туристы со всего мира, но неприятнее типов, чем эти футбольные фанаты, я еще не встречал. Все им не по душе. Сами потеют в три ручья, а в реку нырять отказываются: грязно, видите ли. И пирании недостаточно зубастые, и дельфины близко не подплывают, и птицы слишком громко кричат, спать беднякам не дают. Я слышал, тренер английской команды обозвал Манаус адским местом. Недаром они проиграли. Поделом.

Матч Германия—Гана оказался интересным. Несмотря на жару и влажность, Германия сразу начала с атаки. Гана, однако, прекрасно отбивалась, и потихоньку игра передвинулась в центр поля. К концу первого тайма счет был все еще ноль-ноль, и только в начале второго тайма немцы разыграли классную атаку, и Марио Гетце забил головой гол с семи метров. И тут же ганцы ответили им по полной: после замены на поле вышел футболист Джордан Айю и, видимо, воодушевившись, его братец Андре Айю обыграл немецкого защитника, и вlepил мяч в левый нижний. Гооол!

Бразильские комментаторы закатились восторженными восклицаниями на добрых две минуты.

Не утерпев, я пошла искать Улли. Он сидел во влажной жаре нашей хижины в одних трусах под балдахинном из москитной сетки и смотрел какой-то британский сериал на своем компьютере. Интернета и мобильной связи на этой базе не было, разве что в столовой были розетки, где можно было подзарядить ноутбуки.

— Пропускаешь красивую игру, — сказала я Улли на английском, нашем с ним лингва франка. — Есть хороший шанс, что немцы все-таки проиграют. Пойдем, там все тебя ищут, чтобы поболеть вместе.

Улли засмеялся чему-то на своем экране, но потом все же видео остановил и поднял голову. Весь лоб его был покрыт бисеринками пота.

— Ты же знаешь, я считаю профессиональный спорт средством массовой пропаганды, откровенно националистическим проектом.

— Ты это всерьез? Ты мяч-то в детстве гонял с друзьями? Или нет, ты и тогда сидел вот так же взаперти и на улицу не выходил?

— Мяч гонял. Но это был не организованный спорт, а полная его противоположность. Детская игра. Я не собираюсь участвовать в этом зрелище даже в качестве наблюдателя.

— А в школе и в институте что ты делал? Тоже отказывался?

— Как когда. В школе, например, я прослышал, что во многих гимназиях в ФРГ спорт идет факультативом, и написал дирекции, что организованный спорт должен быть только для желающих и что у школы нет морального права заставлять меня как будущего инженера заниматься физкультурой.

В это я легко могла поверить. Родители Улли были физиками. Для себя он выбрал более практичную профессию инженера-электромеханика и занимался электрическими двигателями для автомобилей, но все равно не избавился от снобизма, воспитанного в семье.

До нашей хижины донеслись вопли из столовой и радостное скандирование: «Гана! Га-на!»

— Похоже, Гана забила еще один гол! Пойдем посмотрим. Тебе не интересно? В конце концов, это же такой шанс для бывших колоний — показать миру, на что они способны, — я пыталась использовать понятия, которые, мне казалось, Улли найдет убедительными.

Трудно было подобрать слова и объяснить Уилли, почему мне хочется, чтобы он вышел к телевизору. Казалось: если уж мы так промахнулись с подходящим сезоном для путешествия по Амазонке, стоит сдаться на милость судьбы и радоваться, что она нам подкидывает другие развлечения. Я тоже за пять лет жизни в Америке перестала следить за футболом — подумать только: запланировать путешествие в Бразилию на время чемпионата мира, не подозревая об этом. В Силиконовой долине среди программистов даже крикет был популярнее, чем футбол. Хотя стоило нам с Улли купить билеты и собраться в поездку, вдруг добрая половина наших друзей проснулись и стали расспрашивать нас о маршруте и не собираемся ли мы приобщиться к большому спорту. Улли где-то вычитал, что на Амазонке футбол особой популярностью не пользуется, и до последнего не терял надежды, что мы сумеем избежать всеобщей лихорадки.

Выходить в столовую он принципиально отказался. Так и просидел весь вечер в хижине и заработал себе чесотку под мышками: то ли воспаление от жары, то ли укусы какого-то насекомого. Я тем временем тусовалась с Луисвальдо и компанией. Мой дачный друг Тимка, такой же болтун, кроме всего прочего, еще и на гитаре играл. Я спросила у Луисвальдо, играет ли он на гитаре, но тот лишь покачал головой.

— Но мы потом можем поставить музыку и устроить танцы! Если после футбола у всех будет настроение. Мы в Бразилии очень любим танцы.

Следующим был матч Нигерии с Боснией и Герцеговиной, и хотя многие им интересовались, решено было переменить род занятий. Луисвальдо и другие гиды принялись сооружать кайпирины из местного тростникового рома, лайма и сахара. Включили музыку и цветовую подсветку — и сразу всех потянуло на флирт. Напиток бил наотмашь.

Гиды — кроме Луисвальдо, были еще один парень и две девушки — в отсутствие хозяина пили наравне с туристами и танцевали вместе с нами. Манаус — столица штата, туда за заработком устремлялось множество молодежи. Кто-то приходил из соседних деревень, кто-то попадал из ближних округов сверху или снизу по реке. Все они выросли на реке, чуть не от рождения умели управлять лодкой и прекрасно знали родную природу, им только языка не хватало, чтобы стать гидами, как раз в общении с туристами они и схватывали английский. Но было что-то, чем Луисвальдо отличался от всех остальных. Каким-то артистизмом, умением вызвать восхищение публики. Танцором он тоже оказался превосходным — хотя, по сути, не делал ничего особенного. Так, поводил себе бедрами и улыбался изо всех сил. Похоже, романы с туристками были для него обычным делом, а я, в общем-то, была не свободна. Но как я ни пыталась себя остудить, вырваться из его орбиты тем вечером было очень трудно.

Улли уже спал, когда я вернулась в нашу хижину. Спал беспокойно, утром чувствовал себя плохо и сейчас, уже сидя в лодке, продолжал кукситься и чесаться. Перед нами расположилась однополая пара из Норвегии, за нами две гетеропары: одна из Австралии и еще одна, как и мы, из США. Все послушно мотали головами по сторонам вслед за указаниями Луисвальдо: посмотрите сюда, посмотрите туда. Где-то на деревьях притаились ленивцы — Луисвальдо пытался объяснить нам приметы, показать их убежище, но мне так ничего и не удалось увидеть. Улли тем временем подозрительно поглядывал то на горизонт, то на нашего гида, который все свои рассказы запивал пивом и сейчас допивал уже третью или четвертую банку.

— Узнаю это место, — шепнул он мне. — Еще чуть-чуть, и мы доплывем до главного притока.

— Там, где в первый день мы видели розовых дельфинов?

— Там, где стоят плавучий магазин и кафе. Мука, молоко — и пива хоть залейся. Вот смотри, если сейчас пойдет дождь, еще полдня футбола нам обеспечено. Что же это за напасть такая!

— Да-а? А мне было интересно. Помнишь, там девочка стирала белье с мостков, и ее пиранья укусила за палец? Такое не каждый день увидишь.

Улли отодвинулся от меня и оглядел, как будто не узнавая.

— Очень рад, что тебе тут все по душе, — произнес он нехотя. И отвернулся.

А ведь он всерьез мечтал оказаться в настоящих джунглях и за экологию переживал по-настоящему, только никак не мог, бедняга, расслабиться, все время был на взводе. Ну что тут скажешь — типичный городской житель! А я, наоборот, получала такое удовольствие от поездки, которое, кажется, не испытывала с детства. Дачный поселок под Ленинградом, где я проводила каждое лето до отъезда в Америку, находился недалеко от каменистой и шустрой Вуоксы, куда мы бегали купаться и ловить рыбу. У моего приятеля Тимки была старая складная байдарка, несколько раз мы спускались вниз по течению, до самой Ладоги. Карельские сосны и скалы кажутся суровыми и малопригодными для жизни по сравнению с Амазонкой, и трудно ска-

зять, что именно в этом тропическом лесу навело меня на воспоминания о моем северном детстве.

Пока я не попала сюда — может быть, под влиянием Улли — при слове «Амазонка» передо мной всплывала картина гигантского леса, который постепенно уничтожает белый человек. И только тут, на месте, дошло: Амазонка — это же река! Система рек. По дороге из Манауса мы на протяжении нескольких километров своими глазами наблюдали «встречу вод» — линию, где соприкасались светлая горная река Солимоинс и темная, насыщенная минералами вода Рио-Негро — так сильно различались их воды, что, даже объединившись руслом, они не перемешивались друг с другом. А после весенних дождей реки были особенно полноводными; по слухам, части Манауса и местность вверх по течению Рио-Негро оказались вообще затопленными — на счастье, база, где мы зарезервировали места, оказалась в другой стороне.

И все же, несмотря на жаркую влагу, аромат переспелых фруктов и цветущих растений, несмотря на дельфинов и зубастых рыб, которыми кишели эти воды, с той минуты, как я ступила на палубу катера в Манаусе, воспоминания о Вуоксе и Ладоге не оставляли меня. Впечатление только усилилось, когда мы наконец добрались до деревни и прилегающего к ней туристического поселка, где нам предстояло провести неделю.

Хижины ютились на высоком пригорке, даже в самое полноводье вода не подбиралась к ним близко. Дорог тут не было — река вместо дорог. Лодки с моторами и без — вместо машин. Недалеко от наших хижин на другой стороне реки-дороги расположился центр деревушки. Луисвальдо без устали описывал местные достопримечательности: вот католическая церковь, вот баптистская церковь, вот школа, магазин, почтовое отделение, — все построено на иностранные благотворительные средства и на заработки от туристов. По обе стороны реки виднелись домики, стоящие на деревянных сваях и чуть возвышающиеся над высокой водой. На многих крышах, как вот и на крыше магазина, к которому мы в очередной раз подплывали, красовались огромные спутниковые антенны.

— И давно в этих краях телевидение? — спросил Улли.

— Раньше электричества! Высоковольтку провели только в прошлом году, а до того тут многие гоняли свои генераторы. На базе тоже свой генератор — мы его включаем, когда пропадает центральное электричество. Тут такое постоянно случается.

Лодка явно приближалась к причалу.

— Мы собираемся останавливаться? — поинтересовалась австралийка, сидящая ближе к рулю.

— Надо кое-чем запастись, — подмигнул Луисвальдо.

— Не хотелось бы пропустить прогулку по лесу. Пока нет дождя, — продолжала она.

Улли кивнул, с досадой поглядывая на тяжелую линию туч на горизонте.

— Не беспокойтесь! Я знаю, вы все тут из капиталистических стран, привыкли жить по часам. Деньги — время, время — деньги. Но сейчас вы в джунглях! Мы тут на часы не смотрим. Мы смотрим на небо, на реку, на лес. Если видим друзей, мы остановимся их поприветствовать.

С этими словами он взял веревку и, перескочив на мостки магазина, привязал лодку к кольщику.

— Кому-нибудь что-то нужно?

Мы покачали головами. Луисвальдо исчез под навесом. К нам вышел Мануэль, один из братьев, управляющих магазином.

— Сегодня в восемнадцать ноль-ноль играют США—Португалия, — объявил он. — Не пропустите! Матч в Манаусе. Говорят, американцы привезли с собой больше охранников, чем англичане болельщиков. На каждого игрока по десять охранников, наверное, один на левую ногу, другой на правую, и так — на все части тела. Готов по-

спорить, если бы кому-то они были нужны, местные ребята увели бы их из-под носа охраны так, что никто бы ничего не сообразил.

Американская пара, сидящая за нами, оживилась.

— А что? В этом году наша команда вполне на уровне. С Португалией им есть о чем поговорить.

— Команда неплохая, — согласился Мануэль. — Демпси первоклассный бомбардир, стоит посмотреть.

— А вы за кого болеете, за США или за Германию? — парень сзади обратился к нам с Улли. — Они в одной группе, через пару дней им играть друг с другом. За кого будете болеть?

— Она из России, — Улли махнул рукой в мою сторону.

— Матч России с Бельгией вот-вот начнется, — объявил Мануэль. — Хотите посмотреть? Присоединяйтесь. Луис заедет за вами на обратном пути.

Улли забавно нахмурился.

— Не думаю, что моим сородичам тут что-то светит. Для них было победой пройти отборочный тур, — отшутилась я. Футбол я любила, в детстве на даче гоняла мяч вместе с мальчишками, но все-таки неужели променять джунгли на телевизор!

Луисвальдо вышел из магазина с двумя упаковками пива и сигаретами. Кинул все в лодку, отвязал нас от причала, и запрыгнул в лодку.

— Хотите? — предложил он нам свежую банку пива. — Холодное! Телевизор да холодильник — вот настоящие блага электрификации.

Мануэль что-то сказал Луисвальдо по-португальски и скрылся за занавесом. Через полминуты выскочил, улыбаясь во весь рот. В руках у него был футбольный мяч. Он кинул его Луисвальдо и помахал рукой.

— Пусть Луис покажет вам футбол в джунглях!

Как только мы отплыли от причала и стало ясно, что Луисвальдо действительно собирается нам сегодня что-то показать, лицо Улли заметно просветлело. Он задумчиво всматривался в берега.

— Интересно, как эта местность выглядит, когда уровень воды не такой высокий?

— А ты так и не ответил, за кого ты будешь болеть. За Германию или за США? Не может же быть, чтобы у тебя полностью отсутствовал азарт.

— А почему я должен за кого-то из них болеть? Сам я мяч не гонял уже лет сто, а команда объединенной Германии... Вот если бы ГДР еще раз удалось встретиться с СССР, на такой матч я бы постарался достать билеты.

— Шутишь.

— Нисколько. До сих пор помню разгромное поражение во время отборочного турнира перед чемпионатом Европы — дело было летом 1989 года, а потом страна исчезла, «объединилась» — и у наших футболистов не было шанса отквитаться. Мне было тогда двенадцать, и я не очень понимал, как жить дальше.

— Да, кстати, я тоже помню это ощущение. Не про футбол, а вообще. Вдруг все взрослые бросились зарабатывать деньги, и нам, школьникам, тоже надо было думать, как выбрать профессию, которая сможет прокормить. Не по интересу, а из какого-то другого, непонятного расчета.

— Ты выбрала вполне успешно. Что может быть практичнее программирования?

— Ну, я же не сразу. Сначала, как и ты, попробовала в науку. Но главное, вот что вспоминается: ведь мы же не о материальных благах мечтали в детстве? Кого тогда интересовали машины и большие дома? Не меня, точно. А вот я помню, как мы на даче мечтали о таком вот рае, — я кивнула на реку, — где ничего как будто и делать не надо, а природа сама тебя кормит. Мы часами мерзли у воды, чтобы поймать несколько тощих окушков, а тут сунул руку в реку, и рыба сама к тебе идет. Потряс дерево,

а на тебя кокосы падают. Смотри, какая роскошь! Понимаю теперь, почему экологи так переживают за эти леса. Настоящее богатство, другого такого у человечества нет.

— Не знаю, не знаю, — сказал Улли. — Жизнь в тропиках меня не прельщала. Лично я был уверен, что к 2014 году человечество уж точно будет иметь колонию на Марсе, а то и способ межгалактических полетов придумают.

— Все-таки в ГДР не было такого дефицита, как в Союзе во времена перестройки.

— Может быть, но знаешь, что-то общее между нами все-таки есть, потому что вот мы с тобой тут сидим, и я чувствую, что мы на одном языке разговариваем, а все остальное — на каком-то другом.

— Хоть и говорим мы с тобой по-английски.

Улли усмехнулся и кивнул. Я рада была, что настроение у него немного поправилось, и не хотела его расстраивать, но вчерашнее ощущение несовпадения не проходило.

Тем временем Луисвальдо, вернее, Родриго, его помощник, сидящий сзади на моторе, направлял лодку к одному «очень интересному местечку». Луисвальдо объяснил, что там растет самое высокое дерево во всей округе и должен быть незатопленный островок, где можно погулять.

Посреди реки танцевали розовые дельфины. Они были ничуть не меньше знакомых по Калифорнии океанских дельфинов, только кожа у них была нежно-розовая. Казалось, они водили хороводы и играли в догонялки. Родриго повел лодку вокруг них, а Луисвальдо предложил нам:

— Хотите окунуться? Вода чистая — дельфинов иначе бы не было. Туда, где течение сильное, кайманы не заплывают. Пираньи, правда, вас скоро почуют. Минут пять можно поплавать. Я рекомендую, это очень освежает.

Улли решительно замотал головой. Сам Луисвальдо скинул футболку и прыгнул за борт. Я и еще два парня решили принять вызов. Я аккуратно сложила шорты и майку и в одних трусах и лифчике окунулась в воду. Нырнула с головой, потом отплыла на несколько бросков от лодки и вернулась назад. Несмотря на пасмурный день, вода была теплой и явно кишела всякой живностью. Ничего общего с Вуоксой, над которой витал чистый запах костров и смолы. В какой-то момент показалось, что большая рыба проплыла мимо и коснулась моей ноги. Стало не по себе, и я быстро вернулась в лодку.

Луисвальдо тем временем выжал свои длинные волосы и открывал очередную банку пива.

— Да, хотел бы я быть в Манаусе сегодня, — вздохнул он. — Хотел бы показать дочке новый стадион. Совершенно уникальное архитектурное достижение! Такая беда, моя бывшая совсем меня за человека не держит, не доверяет остаться с дочкой одному даже на пару часов. Как будто я за пару часов могу ей как-то навредить — а я же ничего такого не делал. Всего-то предложил сводить на футбол. Но моя бывшая вообще ничего о футболе не хочет слышать. Многие местные такие узколобые. Весь мир собрался к нам в гости, чтобы поиграть в футбол и поделиться своей страстью, а мы только и делаем, что жалуемся на то, да на се.

— Я слышала, что в Манаусе при строительстве стадиона действительно кто-то погиб, — заметила австралийка.

— Погибли три строителя, ну да, страшная трагедия, согласен, можно искать виноватых и наказывать их, но что же теперь, футбол не смотреть? Моя бывшая считает, что место, где стоит стадион, охраняется духами — местные люди очень-очень суеверные. Все исходит из наших старых поверий. Сколько церковь нас ни учит, что Бог — один, все равно люди видят духов чуть ли не в каждом камне. Что ей стоит отпустить со мной дочь? А она — нет, ни в какую. Лучше, говорит, ты работай, деньги нам давай. И так всю жизнь!

Интересно, а если бы такой стадион построили где-нибудь в Приозерске и туристы со всего мира вдруг массой ринулись бы в Карелию? Я представила себе, как Тимка на своей допотопной парусиновой байдарке развлекает банду повидавших виды туристов. «Вон там проходила линия Маннергейма, и здесь до сих пор находят гильзы. А тут недавно видели лося!» С одним пивом он ни за что не справился бы, тут без водочки не обойтись, чтобы подобраться к тайнам наших духов.

Минут сорок, а то и больше спустя мы подплыли к месту назначения: это был земляной берег, выступавший из болотистой местности и быстро убегавший куда-то вверх. Луисвальдо набросил веревку на сук и, выхватив из лодки футбольный мяч, выпрыгнул на сушу. Причала у островка не было, и Родриго пришлось стоять по колени в воде и держать лодку, чтобы мы благополучно из нее выбрались. От долгого сидения затекли ноги и пошатывало. Особенно тяжело пришлось американской паре — они были старше всех, лет за пятьдесят, и явно не в форме. Мужчина чуть было не перевернул лодку, но Родриго успел его подхватить, так что обошлось без инцидентов. Луисвальдо повел нас куда-то в глубь леса. Тропа была вполне проходима — видно было, что место популярное. Вскоре мы вышли на поляну перед каким-то совершенно необъятным деревом с корневой системой, похожей на подножия калифорнийских гор, и серым серебристым стволом — он, как рукав гигантской рубахи, струился высоко в небо.

— Это дерево называется капок или сейба, — объяснил Луисвальдо. — Одно из самых высоких в этой части леса. Если на него забраться, можно увидеть все вокруг, до самого Манауса. Попробуйте его обойти, там есть тропа, а потом, — он кинул Улли мяч, — разомнитесь тут на полянке. А мы с Родриго сейчас принесем все, что надо для пикника, провиант нам на базе собрали.

Улли повертел в руках мяч и с легкой брезгливостью протянул его мне. Я засмеялась и взяла мяч под мышку. Мы пошли по тропе вокруг дерева, но не прошли и половины пути, как с берега услышали свист и крики на португальском языке. Что произошло? Родриго и Луисвальдо что-то не поделили? Мы переглянулись и замерли в нерешительности.

Крики сначала затихли, но потом опять послышался встревоженный голос Луисвальдо. Всей компанией мы ринулись обратно по широкой тропе на поляну, а оттуда к реке. На берегу отряхивался Родриго. Он был весь мокрый, как будто только что вышел из воды, неподалеку замер наш Канио-Луисвальдо. В ногах его стояли две неполных упаковки пива. Мы не сразу заметили, что отсутствовало в этой картине.

А когда поняли, то онемели: отсутствовала лодка. Вернее, она плыла сама по себе посредине реки. Родриго явно пытался догнать ее, но не успел. Река стремительно уносила ее вниз по течению, и вскоре лодка скрылась за поворотом.

— Он забыл как следует привязать судно! — сказал нам Родриго на вполне внятном английском, показывая подбородком в сторону Луисвальдо. Потом стянул с себя футболку и стал ее выжимать.

— Все не так уж плохо, — благодушно воскликнул Луисвальдо, как будто получал удовольствие от происходящего. — Зато у нас есть пиво!

— А вся еда осталась на лодке, — буркнул Родриго.

— Что же дальше будет? — растерянно спросил один из норвежцев. Остальные ошарашенно глядели то на Родриго, то на Луисвальдо, не зная, чьей реакции доверять: явному ли беспокойству Родриго или беспечному пьяному веселью его старшего товарища.

Те из нас, у кого на себе были телефоны, рефлексивно потянулись к ним, но без толку. Сигнала не было.



— Как же такое могло произойти? — сокрушался рядом с нами американец. — Неужели у вас нет элементарных правил безопасности, как работать с оборудованием?

Никто ему не ответил, даже его жена, она только тяжело вздохнула.

Все мое обманчивое ощущение беззаботности, слияния с райской природой медленно растворилось, и остался только страх. Предлагал же мне Мануэль задержаться в магазине, посмотреть на игру российской команды! И зачем я отказалась, вдруг это была моя роковая ошибка?

Мошкара тучами собиралась вокруг нас, над нами нависали раскидистые ветви неизвестных деревьев, где-то среди этих ветвей кричали птицы с тяжелыми клювами. Лес, казалось, кишел невиданными пауками и змеями, одни ядовитее других. Луисвальдо, может быть, что-то обо всем этом и знал, но знания его в данную минуту перестали вызывать доверие. Недаром он мне всю дорогу так напоминал Тимку. Тот тоже был первоклассным завиралой. На какую помощь могли мы тут рассчитывать? Мы были во многих милях от цивилизации. Один раз мы вышли на байдарке в озеро, поднялся страшный ветер и отнес нас так далеко от берега, как мы никогда до тех пор не заходили. Я и еще одна девочка просили: «Заверни», «Давай обратно», но Тимка все хвастался, что он и не в такой переделке бывал, убеждал нас довериться его опыту. Другие парни ему вторили. С трудом мы пристали к небольшому островку и застряли там на весь день и всю ночь. Еда у нас заканчивалась, спички для костра тоже. Вокруг — никого. К вечеру поднялся туман, так что мы даже берег перестали видеть. От холода и страха сводило зубы, и даже костер толком не грел. Никогда до тех пор мне не доводилось испытывать такого животного страха. С тех пор я и на лодку-то не садилась. Вот как жизнь в Штатах расслабляет людей, заставляет терять бдительность.

Нет, смерть в джунглях, несмотря на всю экзотику «такого вот конца», меня никак не привлекала.

Не знаю, о чем думал в тот момент Улли, но выглядел он совершенно спокойным, как будто в выходной день мы вышли прогуляться в центр Пало-Альто. Он ждал ответа Луисвальдо, который по-португальски что-то обсуждал с Родриго. Оба они сложили ладони козырьком и глядели куда-то вверх по течению. Чуть ли не впервые за эти три дня я видела нашего гида без банки пива в руках.

— Беспокоиться совершенно не о чем, — обернулся к нам Луисвальдо. — Эта часть реки очень плотно населена. Вот-вот кто-нибудь проплывет мимо и заметит нас. Мы тут постоим с Родриго, посигналим, а вы отдыхайте на поляне. Об этом дереве ходит множество легенд, оно стоит того, чтобы познакомиться с ним поближе.

Лично мне от его слов спокойнее не стало, скорее наоборот. Я пыталась вспомнить, что я слышала в последнее время о пропажах туристов на Амазонке, ничего конкретного не приходило в голову, и это не успокаивало. Никто из нас не тронулся с места. Мы все стояли на берегу и вертели головами из стороны в сторону. На реке было тихо, только мошкара кружилась возле берега, и где-то в болоте шло какое-то движение — там явно копошились кайманы.

Улли взял у меня из рук футбольный мяч, который я до сих пор крепко прижимала к себе.

— Пойдем поиграем?

— Ты шутишь?

— Пойдем! Что толку всем здесь толпиться?

— Футбол! Отличная идея, — воскликнула австралийка. Она потянулась к Улли, и тот кинул ей мяч.

Они пошли вперед, а за ними вся компания двинулась обратно по тропе к полянке перед высоким деревом. «Хлопковое дерево» вдруг вспомнилось мне почему-то.

Не знаю, откуда взялось это название, и было ли оно правильным, но от этих слов дышать как-то стало легче. Страх чуточку отпустил.

Поляна перед деревом была небольшой, но для наших целей вполне хватало. Мы обозначили ветками ворота, разбились на две команды по четыре человека в каждой. Мы с Улли в одной команде, австралийцы с нами, а против нас норвежцы и американцы. Американцы были старше всех и довольно долго раздумывали, присоединиться ли к игре, но в конце концов отказываться не стали. Правил никто из нас толком не помнил, хотя только накануне все, кроме Улли, смотрели чемпионат. Но смотреть телевизор — это одно, а играть — совсем другое.

Начали мы медленно, осторожно, тяжело дыша от жары и влаги и внимательно разглядывая траву под ногами — мало ли кто оттуда мог выскочить. Поначалу и на забитые голы мы внимания не обращали. Не сразу сообразили, что кому-то из нас следует взять на себя роль вратаря. Норвежцы оказались смешными — они все время путались между своими воротами и нашими и оба по очереди пытались забить гол в собственные ворота. Наши ворота оказались довольно широкими, и хоть Улли как самый длинноногий из нас стал нашим вратарем, получалось у него это не слишком хорошо. Лучшим игроком на поле оказалась американка. Как только она размялась и начала двигаться, стало понятно, что она спортсменка хоть куда. Она четко вела мяч, могла обвести противника и метко била по воротам. Потом показала настоящий класс, ловко отбив высоко летящий мяч головой. Игра остановилась, и все мы непроизвольно захлопали. Решили устроить перерыв.

Провиант наш уплыл вместе с лодкой, но мы добыли у Луисвальдо пиво и утоляли им жажду. Американка рассказала, что они с мужем жили в Техасе, и она много лет играла в футбол со своими сыновьями. Норвежцы, как и Улли, играли в футбол в детстве, а австралийская пара никогда не играла, они только смотрели иногда по телевизору. Оба выросли в одном из пригородов Сиднея на берегу океана и были зато первоклассными серфингистами.

После перерыва наша игра стала набирать скорость. Разогретые пивом и разминкой, мы уже готовы были забыть о подстерегающих нас опасностях. И казалось, что наши крики распугали всех зверей в окрестности. Ни птиц, ни обезьян, ни другой живности не было слышно — только наши голоса. Проснулся нешуточный азарт, и уже промашек в ведении счета мы не допускали. Улли раскраснелся и метался по всему полю, пытаясь закрыть собой все наши слабые места. В какой-то момент он прыгнул, чтобы поймать мяч, но промахнулся, хлопнулся животом на землю, не обратив на это внимания, встал и, даже не отряхнувшись, побежал дальше.

В конце концов мы так увлеклись, что не сразу услышали зов Луисвальдо. Вдруг он сам появился на поляне и объявил:

— Все в порядке! Можно возвращаться.

Мы вернулись к реке и увидели нашу лодку на месте. Рядом на другой моторной лодке сидела небольшая семья — папа, мама и очень симпатичный кудрявый малыш лет трех. Выяснилось, что они нашли нашу лодку и пригнали ее обратно. Мы попытались спросить у Луисвальдо, чем их отблагодарить, но Луисвальдо только мотал головой и улыбался.

— В джунглях мы все помогаем друг другу. По-другому никак.

По дороге обратно Луисвальдо раздал всем бутерброды и оставшееся пиво. Пива было немного, по банке на пару, и на этот раз от него никто не отказывался. Он принялся, как всегда, о чем-то болтать, рассказывал нам в очередной раз о своем происхождении, что родом он из деревни на Амазонке к востоку от Манауса и что отец его европейского происхождения, а мать из местных, что в Манаусе у него есть быв-

шая подруга и дочь от нее и что он предпочел бы билеты в Калифорнию по той цене, что просят за билеты на чемпионат мира...

Я быстро потеряла нить рассказа. Мысли витали где-то над лодкой, подумалось, что не случайно эти джунгли называют легкими планеты, что есть в этой реке и в этом лесе какая-то магия. Вспоминалось место, где Вуокса впадает в Ладогу и где стоит вечный туман. В детстве казалось, что световые мили, парсеки отделяют наш маленький мир от большого мира, мира за пределами города и страны, а вот оказалось, что нет, не так, и что, заблудившись в тумане недалеко от дома, можно ненароком выплыть в джунглях.

Улли нашел мою руку и крепко сжал мои пальцы, притянул к себе за плечи, поцеловал. Впервые за все это путешествие — а может быть, и впервые за все время нашего знакомства — вдруг перестало иметь значение, кто мы, откуда мы родом, наше этническое, классовое, религиозное и т. д. происхождение. Мы были просто двумя путешественниками, не слишком отважными и не слишком умелыми, и мы казались себе сильнее и лучше оттого, что мы были вдвоем и было с кем разделить неожиданности. Впрочем, я не знаю, о чем думал в этот момент Улли.

Тем вечером на базе мы всей командой собрались перед телевизором смотреть матч США—Португалия. Обеим командам было что защищать, и они показывали четкую, напряженную игру. Но речи о том, чтобы болеть за одну или другую команду, на этот раз не шло. Мы все, экипаж лодки Луисвальдо, собрались за одним столом, включая Улли, чокались кайпириньями, поднимали тосты за футбол и фотографировали друг друга на память. Австралийку, как оказалось, звали Джорджия, а ее мужа — Джейк. Норвежцы и американцы тоже представились друг другу. Мы обменялись адресами электронной почты и договорились встретиться в ресторане в Манаусе. В тот вечер каждый из нас ощущал себя победителем, и омрачало только то, что Луисвальдо напился не на шутку и приставал по очереди ко всем женщинам в группе.

— Увезите меня с собой, — просил он, делая вид, что говорит это в шутку, хотя всем, ну, или, по крайней мере, мне было ясно, что он просит совершенно всерьез. Хотелось спросить, а чего ты забыл за границей, когда весь мир просится к тебе в гости? Но было ясно, что человеком двигает ощущение собственной второсортности, полученное — откуда? Из телевизора? От родителей, учителей, сотрудников и боссов? От туристов? — и что обычными словами тут не поможешь.

Эта поза была настолько узнаваемой, столько жизни ушло, чтобы преодолеть это в себе, я поняла, что завожусь и долго выдержать так не смогу. На этот раз я увела Улли в хижину довольно рано, до того, как стали расходиться все остальные.

Мы чистили зубы водой из бутылки, когда вдруг я вспомнила:

— Сегодня 22 июня. Что для тебя значит эта дата?

Улли внимательно посмотрел на меня.

— В 1974 году команда ГДР впервые вышла на финальный раунд чемпионата мира, а 22 июня 1974 года обыграла команду ФРГ. Но ты ведь не об этом меня спрашиваешь?

— Не об этом.

Я выплюнула зубную пасту изо рта.

— Да, я слышал, что для русских 22 июня — это день памяти о Второй мировой войне. Меня об этом предупреждали родители, когда мы с тобой стали встречаться.

— Для русских — да, а тем более для ленинградцев. Я помню, как в детстве в этот день по радио звучала сирена. «Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну», — процитировала я по-русски.

Улли кивнул, но ничего не сказал. Он вынул зубную щетку и прополоскал рот.

— До сих пор помню ужас, который меня охватывал от этих слов. Бабушка в этот день всегда заводила рассказ, каково ей пришлось во время блокады.

— Ты сейчас хочешь, чтобы я тебе сказал, какой страшной ошибкой был фашизм, и признал вину своих предков? Я признаю.

— Ошибкой? Преступлением!

Улли снова молча кивнул.

— Ты говоришь, что между нами много общего, но я не знаю, сможем ли мы по-настоящему когда-нибудь понять друг друга, — сказала я. — Вот Луисвальдо, например, во многом мне гораздо ближе.

— Ты права, — сказал Улли. — Сейчас я тебя не совсем понимаю. Но мне кажется тем не менее, что у нас есть общий язык и есть предмет для разговора. Или я ошибаюсь?

Он произнес это так искренно и с такой неподдельной нежностью в голосе, что пришел мой черед прикусить язык. Показалось, что своими словами — или даже не столько словами, сколько самой интонацией — Улли вдруг приоткрыл новую дверцу в наших отношениях. Я отпила глоток воды из бутылки и закрыла ее крышкой. Ощущение горечи в гортани потихоньку рассеивалось. Подумалось, здорово, что, может быть, мы сейчас вот так запросто выпустили своих злых духов и дали им спокойно испариться. А завтра нам предстоит еще один день в джунглях — по расписанию, мы должны навестить деревню, познакомиться с местными жителями. Очень хотелось увидеть обещанное по прогнозу солнце.